КАК ВСТУПАЕТ ПСИХОЛОГИЯ В НОВОЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ
(Круглый стол в редакции журнала «Вопросы психологии»)
ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ, 1999, № 4

Редакция проявила важную инициативу. Мы вступаем в новое столетие и новое тысячелетие (редкая судьба!). Это побуждает к размышлениям о нынешнем состоянии психологического знания и перспективах его развития.

Обострившиеся глобальные проблемы земной цивилизации выявили роковую асимметрию в структуре нашей духовной и практической деятельности. Суть ее в том, что познание и, соответственно, преобразующая деятельность в основном устремлены во внешний мир и лишь в крайне слабой степени обращены человеком на самого себя. Между тем уже элементарный анализ показывает зависимость познания внешнего мира от самопознания и, соответственно, целей и способов преобразований во внешнем мире от уровня познания человеком (и человечеством) самого себя и умения управлять собой, умения осознавать и осуществлять свои главные, подлинные ценности и цели. Эта постоянно нараставшая асимметрия определила возникновение и неуклонное углубление глобальных проблем, грозящих существованию человечества. По расчетам академика Н.Моисеева, для предотвращения глобальной экологической катастрофы нам отпущено не более ста лет. И в этом, как он справедливо подчеркивает, не помогут никакие технологии, тут необходимо изменить само мировоззрение, основные ценностные ориентации. Единственный путь – самопознание и самопреобразование человека и человечества, другого не дано.

Вот фундаментальная проблема нового века, в решении которой психологии и смежным с ней научным дисциплинам отведена ключевая роль. Это возлагает ответственность за судьбы земной цивилизации и на тех, кто причастен к указанным областям исследований. Разумеется, такого рода ответственность лежит и на многих социальных институтах, и на всей мировой системе научно-исследовательской деятельности, и в общем-то на каждом из нас. Но это не умаляет ответственность именно психологии (тех, кто ее олицетворяет). Осознание, осмысление такой ответственности - важнейшее условие разработки стратегии психологического познания, концентрации творческих усилий на главных задачах. Когда мы слышим, что 21 век будет веком психологии, то это, безусловно, имеет рациональный смысл.

Первостепенное значение приобретают сейчас теоретические и методологические вопросы психологии, внимание к которым в

последнее десятилетие ослабело. Психология переживает сейчас, особенно в России, прагматический бум. Усилия подавляющего числа психологов направлены на обслуживание практических нужд в области техники и организации производства, экономической и политической деятельности, массовых коммуникаций, педагогики, медицины, военного дела и т.д. При всей значимости этой работы она зачастую оказывается удаленной от стратегических целей психологии или же связанной с ними крайне слабо. Как это ни сложно себе представить, новый век должен внести в развитие психологии существенный момент *планомерности и управления* с тем, чтобы добиться концентрации творческих усилий на решении главных задач.

Требуются новые идеи, подходы, методы в разработке экзистенциальной проблематики, психологии личности и массовых субъектов. Особую актуальность приобретают вопросы психологической герменевтики. Социокультурное развитие нагромождает виртуальные игровые миры, которые деформируют и подавляют наше чувство подлинности. Актер становится центральной фигурой публичной жизни. “Народные артисты” от политики, журналистики, всевозможной магии заполонили телеэкраны, правят бал в средствах массовой информации. Объективные критерии реальности все в большей степени подменяются и замещаются критерием правильного исполнения роли. Такая атмосфера исключительно благоприятна для изощренного обмана, для манипуляций личностью и массами, торжества интереса над истиной. Психологическая герменевтика призвана разрабатывать средства и методы постижения подлинного смысла и укрепления психологической защиты от дезинформации, противостояния манипулятивным и суггестивным воздействиям, разоблачения технологии обмана и творческих новаций в этой области (включая самообман; мне кажется, что творчество нигде не достигало таких высот, такой изобретательности как в деле самообмана).

Психологические дисциплины располагаются в широчайшем диапазоне, на одном краю которого они связаны с биологией и генетикой, нейрофизиологией и медициной, на другом – с социальными и гуманитарными дисциплинами. Однако такое линейное представление неполно. Психология контактирует с рядом областей физики и химии и особенно с дисциплинами, имеющими своим предметом информационные процессы, развитие компьютерной техники, проблематику искусственного интеллекта и кибернетического моделирования психических функций. Именно в этих пограничных областях намечаются многообещающие перспективы развития психологического знания. Ядерная психология, к сожалению, пока не располагает

серьезным эвристическим потенциалом, изрядно выработана психоаналитическая парадигма, весьма уныло выглядят в последние десятилетия исследования, проводимые под рубрикой так называемой *“теории деятельности”* (это, конечно, не теория в точном смысле слова, а концепция и парадигмальная установка, задающая один из необходимых планов исследования, но сама по себе не сулящая ныне стратегически значимых результатов).

На мой взгляд, в первые два десятилетия нового века стратегические прорывы следует ожидать в области расшифровки мозговых нейродинамических кодов психических явлений. Подобно тому, как биология достигла качественно нового уровня благодаря расшифровке генетического кода, породившей генную инженерию и геномику (последняя сегодня близка к полной расшифровке генома человека), психология обретет новую ступень знания и действенности в результате расшифровки нейродинамических кодов пусть вначале простейших явлений субъективной реальности и функций психического управления. Основания для этого заложены исследованиями Дельгадо, Пенфильда, Экклза, Сперри, Сентаготаи, А.Р.Лурия, Н.П.Бехтеревой и др. Такие способы вторжения в субъективный мир человека поставят острые социальные вопросы подобные тем, которые возникают сегодня в связи с развитием генной инженерии и вмешательством в геном человека (но гораздо большего масштаба!). Это существенно изменит также содержание самого предмета психологии, ибо тут решающую роль будут играть методы и понятия нейрофизиологии, теории информации, кибернетики. Но суть дела ведь не в сохранении девственной чистоты привычного понимания психологии, а в понимании человеческой психики, в перестройке ценностно-смысловых структур, отвечающей задачам сохранения земной цивилизации и возвышения человечности, расширения диапазона психического управления, его энергетических возможностей, *укрепления воли к добродеянию*. Ведь именно *слабость воли* не дает человеку в большинстве случаев осуществлять высшие ценности (Как говорили в древнем Риме, и мы можем это повторить: “Вижу лучшее и одобряю, но следую худшему”).

Однако, при расшифровке нейродинамических кодов психических явлений исходный пункт составляет тем не менее сугубо психологическая задача: анализ и упорядочение психической феноменологии, квантификация явлений субъективной реальности, определение их личностных и межличностных инвариантов. Лишь после этого имеет смысл говорить об установлении определенных нейрофизиологических

(и иных) состояний в головном мозгу, эквивалентных данному психическому явлению, и о выяснении их кодовой организации.

Как связаны мои ощущения, мысли с моими мозговыми процессами, как может моя мысль, мое психическое побуждение управлять моими телесными изменениями? Эти вопросы, составляющие суть психофизиологической проблемы и казавшиеся неразрешимыми, получают ныне убедительные ответы на основе информационной парадигмы. Она позволяет объединить в одном концептуальном поле ценностно-смысловые и пространственно-энергетические описания. Таким способом, психическое явление связывается с определенными мозговыми процессами как информация со своим материальным носителем, т.е. кодом. Психическая же причинность интерпретируется в качестве информационной причинности, а действия моего Я как самоорганизующейся системы, обладающей свободой воли, интерпретируются в качестве актов психической самодетерминации.

Информационная парадигма открывает для психологии 21-го века широчайшие перспективы генерациии новых идей, новых подходов в разработке актуальных проблем, возникающих на стыке психологии с естественными науками и теми дисциплинами, предметом которых является развитие компьютерной техники и ее применение, компьютерное моделирование психических функций.

Хотелось бы еще раз подчеркнуть плодотворность связей психологии и генетики, значительные успехи психогенетики (об этом свидетельствует, например, недавно вышедший выдающийся, по моему убеждению, труд В.П. Эфроимсона «Гениальность и генетика»). Это направление безусловно займет в новом веке важное место в решении стратегических задач самопознания и самопреобразования человека.

Обратимся теперь к вопросу о психологии и религии, о сближении которых здесь заявляли. Он поставлен не совсем ясно. Вряд ли можно говорить о каком-то сближении психологии и религии. Конечно, в произведениях религиозно ориентированных мыслителей, писавших о человеческой душе (таких как Кьеркегор, Бердяев, Ясперс, Марсель, Бубер, Тиллих и др.), психолог может найти немало интересного и поучительного. Однако, психология как наука своими теоретическими положениями и выводами противостоит религиозному миропониманию. Она обязана решительно противодействовать влиянию на массовое сознание тех новоявленных религиозных сект, которые расплодились в последние десятилетие, обязана противостоять той волне мистики, лженауки, иррационализма,

которая так высоко вздымается сейчас не только у нас, но и на Западе.

У нас это проявляется в небывалом распространении парапрактики - деятельности всевозможных магов, колдунов, гадалок, экстрасенсов, целителей, астрологов и т.д. По неполным данным число практикующих на этой ниве достигает 400 тысяч человек. Сформировался гигантский рынок парауслуг и оккультных товаров, на котором оборачивается не менее миллиарда долларов в год. Научная психология оттеснена на задний план. Голос здравого смысла тонет в гуле парапсихологического базара. Этот новый феномен заслуживает основательного исследования, ибо выражает существенные изменения массового сознания, происшедшие за последнее десятилетие. Здесь нет возможности анализировать причины этих изменений. Заметим лишь, что помимо наших, сугубо российских, они имеют и более глубокие причины социального, гносеологического и психологического характера, которые определяют живучесть парапсихологии и парапрактики.

Особенно интересно рассмотрение гносеологических и психологических факторов, питающих паранауку и, в частности, парапсихологию. Коснемся лишь одного вопроса. Когда мы говорим о знании, то оно относится частично и к тому, чего мы не знаем. Такое знание о незнании определяется как *проблемная ситуация*. Постановка новой проблемы – существенный вклад в научное познание. Однако, помимо проблемной ситуации мы постоянно пребываем в ситуации *незнания о незнании*. Она легко обнаруживается ретроспективно. Двести лет назад мы не только ничего не знали об электронах, но и не знали, что мы этого не знаем. И сейчас, конечно, очень многое начисто скрыто от нас двойной завесой незнания; мы спокойны, не искушены новым вопросом или соблазном. И потому всегда пребывая на краю бездны незнания, не испытываем страха, беспокойства, ибо не видим ее. Эту ситуацию я называю *допроблемной*; из нее обычно прорастает столь знакомая по истории психологии *предпроблемная ситуация* – когда в поле зрения попадают некие странные феномены, о которых нельзя сказать реальны они или нереальны, ставят ли они новую проблему или это очередная *псевдопроблема* (подробный анализ этих ситуаций см.: Д.И.Дубровский. Обман. Философско-психологический анализ. М., 1994, с.85 – 98).

Осмысление указанных ситуаций представляет для нынешнего этапа развития психологии важное значение, ибо ориентирует на исследование загадочных явлений психики, поддерживает чувство открытости неведомому, нацеливает на

понимание того, как формируются новые реальные проблемы и какие средства необходимы, чтобы отвергнуть псевдопроблему. Не исключено, что некоторые паранаучные феномены могут оказаться реальными или дать исследователю нить для новых открытий. Однако это предполагает строжайшее следование объективным научным критериям. Да, наука ограниченна, многого не знает о человеческой психике. Но она может проверять! Ее средства и методы достаточно эффективны для разоблачения иллюзий, вымыслов, утверждений, в которых желаемое выдается за действительное. Научная психология способная служить лучшим лекарством против общественного легковерия, отсекая весь ассортимент расхожих профанаций, выводя на чистую воду шарлатанов, мошенников. Мы уверены, что в новом веке психология достойно ответит на вызовы, бросаемые ей парапсихологией.

Процветание иррационализма и субъективизма во многом связано с интенсивным размыванием границ между наукой и религией, между наукой и паранаукой. Особенно стараются в этом отношении представители паранауки, но им подыгрывает немалое число дипломированных ученых (в том числе и психологов). Еще и поэтому психология должна жестко противостоять религиозным объяснениям психической деятельности, мистицизму и всевозможным суевериям. В этом отношении чрезвычайно актуальны психологические исследования феномена веры, понимаемого в широком смысле, т. е., включающего как религиозные, так и нерелигиозные формы. Образуя фундаментальный регистр всякой душевной жизни, пронизывая все уровни психики, вера выступает в качестве фактора субъективного «принятия» того или иного «содержания» как истинного, правильного, справедливого и т.п. Поскольку мы живем не только в лучах ясного знания, но по большей мере в «сумерках вероятности» (Дж.Локк), вера выполняет компенсаторную функцию, служит преодолению неопределенности. Она укоренена в бессознательном, в опыте, интуиции, может выполнять и догматическую и творческую функцию, служить самым невероятным заблуждениям и высочайшим порывам человеческого духа. Она интенциональна по своей природе, определяет векторы активности. Как формируется веровательная установка? В чем ее прочность, неподатливость казалось бы самым убедительным противоречащим фактам и аргументам? Что именно приводит к ее расслаблению и распаду? Вот вопросы, требующие дальнейшего глубокого исследования. Это относится и к пониманию психических состояний, тесно связанных с верой и ее проявлениями, таких как неверие, сомнение, внушение, доверие,

уверенность, убеждение. На первый план выдвигается необходимость основательного исследования феноменов легковерия и фанатизма. Существенную роль при этом могут играть материалы и результаты, накопленные в пограничных областях, на стыке психологии с философией, историей, социологией, особенно психиатрией. Обозначенное направление исследований приобретает стратегическое значение для психологии начала нового века.

Несколько слов о «кризисе» - излюбленном слове интеллектуальной элиты. Можно, конечно, говорить о кризисе в психологии, как и о кризисе в философии или, например, в экономике, политике, культуре или во всей земной цивилизации. В общем-то кризис - перманентное состояние всякой сложной развивающейся системы, прелюдия к существенным преобразованиям. В нынешнем состоянии психологии трудно увидеть что-либо слишком оригинальное. Да, она стоит на пороге крупных преобразований, требует, как отмечалось, серьезного анализа внутренних трудностей, противоречий, главных задач, организации усилий для их решения, обострения, если так можно выразиться, психологического самосознания. Слову «кризис» придают, однако, устрашительное, алармистское звучание, нагнетающее скепсис, некую безысходность. Одна из важнейших социальных функций психологии состоит в том, чтобы противостоять нарастанию абсурда и уныния, субъективистского своеволия и релятивизма, укреплять мужество духа и веру в будущее.